

A woman with blonde hair, wearing a red bikini, is the background of the entire image. She is standing with her hands on her hips, looking towards the camera.

Александрь Дунаенко

Есть ли жизнь на Марсе?..

Рассказы
о
взрослой любви

Александръ Дунаенко
Есть ли жизнь на Марсе?..
Рассказы о взрослой любви

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=17805356
ISBN 9785447460822*

Аннотация

Проза Александра Дунаенко – это неожиданные сюжеты, непредсказуемые развязки, жесткая и в то же время в рамках приличия эротика. Повесть «Есть ли жизнь на Марсе?..», рассказы «Принцесса, дочь короля», «Сколько на небе лун?», «Клеопатра» рассчитаны на вкус самого взыскательного читателя. Книга содержит нецензурную брань.

Содержание

Есть ли жизнь на Марсе?..	5
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Есть ли жизнь на Марсе?.. Рассказы о взрослой любви

Александр Дунаенко

Дизайнер обложки Александр Дунаенко

© Александр Дунаенко, 2019

© Александр Дунаенко, дизайн обложки, 2019

ISBN 978-5-4474-6082-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Есть ли жизнь на Марсе?..

До пенсии оставалось три года. Всего-то три года оставалось до пенсии! Уже и планы себе какие-то рисовал оптимистические. Ну, там – поездки по Европе, встречи с интересными людьми. Полноценное общение с внуками.

Нет, до конца я всё-таки ещё не понял, не осознал, что такое пенсия, пенсионный возраст.

С одной стороны – в голове ещё сидит представление о пенсии и пенсионерах – как о предсмертном состоянии. Вот есть она, длинная жизнь – от горшка до сорока-пятидесяти лет, когда не думаешь ни о болезнях, ни о кладбище.

Вот моей маме сейчас за восемьдесят, так разговоры у неё, любимые темы – кладбище, похороны и кто как умер. Есть ещё воспоминание современников: перечисление друзей, родственников, ныне покойных.

А я ещё, наверное, чего-то недопонимаю. Пока ещё ощущение, что выход на пенсию – это что-то вроде окончания университета. Впереди – карьера, новые горизонты, новые радости жизни. Ну, пусть не совсем так. Но – есть определённое сходство. По окончании пенсионного возраста тоже вы-

даётся документ. Единого образца. Очень серьёзный. Только вот в жизни он уже не пригодится. Нельзя прийти с ним куда-нибудь, показать и устроиться на работу. Получить без очереди двести граммов сливочного масла. Бесплатно проехать в троллейбусе или на метро.

А для того, чтобы получить такой документ, нужно в жизнь поступить (приём без экзаменов), потом прожить её определённое количество лет (для каждого срок определяется сугубо индивидуально), и – окончить. Для окончания никаких препятствий. Любой балл проходной. Событие отмечается коллективом близких друзей и родственников.

И как-то грустная истина о том, что пенсия – понятие, напрямую связанное с работоспособностью, жизненным ресурсом – эта истина, кажется, не касается конкретно меня. По-прежнему представляется, что, если уже и могилка – то это ещё очень далеко. А болячки – откуда им взяться? Не пью, не курю. Гуляю.

Вон, у друга в сорок лет уже разбухла простата. Сам виноват. Должна быть нормальная, полноценная половая жизнь. Не даёт жена – ходи на сторону. Сходи в секс-шоп, купи себе подходящую игрушку, видеокассеты.

Мы не можем ждать милостей от природы.

Ну и – вот. До пенсии, значит, три года. Подходит очередная медицинская комиссия. В нашей организации бригада медиков из Екатеринбурга ежегодно обследует сотрудников на состояние пригодности к работе. И ничто не предвещало недоброго. Даже простата.

А тут зашёл к врачу, который ухогорлонос. Красивая молоденькая женщина. Комиссию мы проходили летом. В помещении тепло – халатик на ухогорлоносе практически на голое тело. Ну, я, чтобы задержаться, чтобы всё как-то получше рассмотреть (зрение у меня 100% – только что проверил), я этой фее в тонком халатике и решил пожаловаться: – Что-то у меня, говорю, со слухом.

А у меня, уже не помню с какого времени, и, правда, заметное ослабление слуха на левое ухо. (*Слуха – ухо*. Всё-таки пропадает во мне поэт...). Но никто этого моего дефекта (я насчёт ушей) никогда не замечал, потому что другим ухом я даже ультразвуки улавливаю.

Думал я – посадит сейчас меня подле себя обаятельная и привлекательная, и проведу я с ней несколько приятных минут в беседах, полезных для глаза и для здоровья.

Комиссия-то у нас из самого Екатеринбурга. Когда ещё

в нашей глубинке живую женщину из настоящей сибирской столицы увидишь. От них, от городских, и духи, и манеры. И бельё – вон какое просвечивает!..

Но не посадила меня столичная врач за лечебный столик, а приказала сразу уйти в дальний угол комнаты, повернуться к ней спиной, закрыть правое ухо и слушать, какие она мне будет слова говорить. Ничего интересного. Когда посадила, наконец, к себе за столик, мне было уже не до любезностей. – Вам, говорит, нельзя уже работать в вашей организации, потому что вы не проходите по здоровью ваших ушей.

Вот и всё. Добаловался. Провёл несколько приятных минут. Вот ведь, старый дурак, и чёрт же меня за язык дёрнул! Молчал бы и доработал бы тихонько до пенсии свои три года... Как там, у Высоцкого: «Так тебе и надо, раз такой болван! Нечего глядеть на тот аероплан!...».

Через неделю я уже ехал в автобусе обратно в Казахстан, в свой Актюбинск. Нужно было искать работу. Хоть какую. В Актюбинске оставались друзья, родственники. А в России за десять лет жизни так ни теми, ни другими не обзавёлся.

Для Казахстана у меня, правда, совсем неподходящая национальность. Она называется *неказах*. Но не буду загадывать наперёд. А, вдруг, повезёт, может, ещё чего и получится.

Ехал в автобусе, слушал радио. Новости были про Францию. Сложное было во Франции положение. Николя Саркози уходил с поста Президента страны, предстояли очередные выборы, но народ не знал, за кого ему нужно голосовать. На улицах Парижа было беспокойно. Студенты жгли костры. Вокзалы были запружены эмиссарами с Украины, которые подбивали доверчивых французов на оранжевую революцию. Клошары кидали в гаменов камнями и конфетами «Рафаэлло». Те отбивались круассанами.

В три смены бесплатно работали проститутки, отдаваясь полицейским, брошенным для наведения порядка.

Наконец, выдержав необходимую политическую паузу, по Французскому телевидению выступил сам Саркози и всех успокоил. Он объявил, что голосовать нужно будет за Луи Бернара. Хороший человек. Это ничего, что никто в стране его толком не знает. До выборов ещё три месяца. А потом ещё два президентских срока – как пить дать. Будет ещё время познакомиться.

И что тут во Франции началось! Народному ликованию не было границ. Закончилась тревожная полоса в жизни нации. На улицы и бульвары французских городов вылились толпы народа для выражения своей патриотической радости.

Под крики: «Франция для французов!!!» активисты молодёжного движения приволокли под Триумфальную арку двух русских и одного турка и забили ногами до смерти.

Естественно, на поддержание порядка были брошены лучшие силы полиции.

И с новым воодушевлением работали в три смены и старые и малые проститутки, отдаваясь им без страха и упрёка на самых ответственных и опасных панелях французской столицы.

.....

Актюбинск. Я сижу в кафе «Шалкыма», что на перекрёстке Ленинского проспекта и проспекта Алии Молдагуловой. Со мной за столиком Борька Мерзликин и его жена Тоня. Борька местный миллионер. Владелец кафе, нескольких бензозаправок и казино. Игровые автоматы в магазинах и в каждой подворотне – тоже Борькины. Борька – мой бывший одноклассник. Я сидел в кафе, и он меня узнал. Узнала меня и его жена. Потому что вообще в этом городе меня десять лет назад знала каждая собака. Я работал на телевидении, вёл популярную программу. Тоня смотрела на меня и повторяла: – Ах! Неужели, правда, это вы? Прямо не верится! Мож-

но, я до вас дотронусь?

Дотронулась. При их семейных миллионах ей, видимо, только этого ещё не хватало для полного счастья. Мы с Борькой разговаривали о том, о сём, вспоминали школьные годы. Я больше молчал, поддакивал. Давно не виделись, но было у меня всегда ощущение, что Борька человек гаденький, хотя лично мне он ничего плохого не делал. От юности запомнился только один эпизод.

Мы учились тогда в восьмом классе, и Борька хвалился, что трахнул одну девчонку, что она была целка и сообщал массу подробностей своего подвига. Он даже её назвал. Для нас, пятнадцатилетних мальчишек, многие Борькины откровения казались похожими на неправду, но слушали его с интересом. А на девчонку, которую он нам назвал, поглядывали с особым вниманием: она уже не целка. И сделал это с ней Борька. Наверное, и продолжает делать.

И это было правдой. И уже совсем взрослой.

Однажды на школьном дворе Борька, хихикая, сплёвывая семечки, сказал, что его девчонка забеременела. А он быстро нашёл способ, чтобы от неё избавиться. Пошёл к ней в гости с товарищем. Выпили немного вина. Потом Борька на минуточку вышел из комнаты, будто бы покурить. А товарища до это-

го подговорил изобразить пристаивание к своей девчонке.

Тут Борька и вошёл: – Ах ты, блядь! Сука!

Девчонка плакала, кричала, что она ни при чём. Не помогло. Борька избил её сначала руками, а потом ещё и ногами.

Ушёл оскорблённый, с чистой совестью.

Борька сидел напротив меня в кафе и рассказывал о своей карьере. О том, как он, так и не окончив средней школы, научился делать большие деньги. Как за это его при Советской власти несколько раз сажали.

И как потом, после капиталистической революции, ему пригодились его природные таланты.

Всё это время его жена Тоня влюбленно на меня смотрела, улыбалась, и что-то нашёптывала на ушко своему супругу.

– Ну, а ты, Саня, как? – спросил, наконец, Борька меня. Я в двух словах обрисовал ему свою ситуацию. Краски старался не сгущать, скорее, наоборот, старался представить всё в очень забавном виде. Все вместе мы даже посмеялись. Обменялись адресами, телефонами.

На том и расстались.

А положение у меня вообще-то было хреновое. Известный в прошлом журналист уже не вписывался в формат обновлённых средств массовой информации. Я оказался той самой коровой из фильма «Мимино», которую в своём посёлке невозможно продать, потому что её все знают. Во всех местных газетах, на радио, на телевидении, мне вежливо отказывали, ссылаясь на отсутствие вакансий. Редактор газеты «Диапазон» Лена Гетманова, с которой мы вели когда-то информационную программу на телевидении, задумалась: – У нас на радио нужен корреспондент. Но... А ты информации писать умеешь?... И, заметив недоумение в моих глазах, добавила: – Ну, знаешь, ведь на радио своя специфика...

А ведь это я когда-то пригласил её работать в свою программу...

Кроме журналистики для меня в городе оставался только неквалифицированный труд. Подметать улицы. Работать на базаре грузчиком. Продавать газеты.

Вообще-то я всегда боялся, что где-нибудь на склоне лет попаду вдруг в ситуацию, когда мне придётся спать в подвалах и рыться по мусорным бакам. Ведь у всех этих людей, на которых мы даже стараемся не смотреть – оборванных,

грязных — у всех у них была когда-то нормальная человеческая жизнь.

И все они когда-то были детьми.

От тюрьмы, да от сумы...

Я жил пока у друзей, пока в гостях. Но для того, чтобы остаться друзьями, лучше всё-таки вовремя куда-нибудь определиться. Не получится с жильём, с работой, то хоть подвал подыскать поприличней...

И вот сижу я у друзей на кухоньке, грызу сухарик, и тут телефон зазвонил. Объявился мой старый школьный товарищ, миллионер и козёл Борька Мерзликин. Спросил, не слушая, как дела. Сказал, что нужно поговорить и, если у меня есть время, чтобы зашёл к нему в кафешку.

Время!.. Его у меня по самые мои глухие уши.

Что там ещё придумал Борюсик? Может, нужен ему половой в его забегаловке? Ну, я в принципе, уже готов. Не подвал. И не мусорные баки. В тепле. И, если объедки, то все свежие.

Пошёл к Мерзликину — ещё зачем-то галстук повязал. Модный был галстук в начале девяностых. Половой в галсту-

ке – барин ещё к жалованью копеечку накинёт...

Впрочем, чего это я решил, что Борька примет участие в моём трудоустройстве? Ему своих хлопот мало? Бензин на заправках бодяжить. Жену, которая моложе его лет на пятнадцать, подарками и развлечениями от вредных мыслей отвлекать.

Долго ли она у него продержится? Моложе-то моложе, но мой школьный товарищ за свои деньги и восемнадцатилетнюю может стащить где-нибудь с подиума... Как помнится, к женщинам он никогда особо не привязывался, шибко ими не дорожил...

Борьку вызвали из подсобки. Увидел меня – обрадовался. Сказал, что боялся меня не найти. У него тут возникла проблема. Поэтому он боялся не найти именно меня.

Может, ему не половой требуется, а брать нужно круче – вышибала?

Ну, нет, на вышибалу я не потяну. Вышибала перво-наперво своим видом должен на порядок в заведении воздействовать, а – какой у меня вид? Тощий, сутулый, длинный, как жердь.

А, придётся кому по чердаку съездить, так мне же первому и достанется...

– Тут, Саня, такое дело, – прервал мои радужные мысли Борюсик. Ты, конечно, мою жену Тоню видел? – Видел, – говорю. И не совсем понимаю, к чему вдруг Борька заговорил про свою жену.

А дело было в следующем.

Оказывается, когда-то давно, ещё в двадцатом веке, жена Борюсика, Тоня, была яркой моей поклонницей. И уже вышла замуж за своего мешка с баксами, а про меня всё помнила, мечтала обо мне тайно и целомудренно, а, как вдруг увидела в кафе кумира своей юности, так все уши обо мне Мерзликину прожужжала.

Что-то Мерзликин мялся. Будто не знал, с чего начать. – Знаешь, Саня, – наконец, приступил, – Тонька, моя жена... – Посидел ещё пособирался с мыслями. Мы сидели за пустым столиком. Две чашечки кофе – и больше ничего. Борька размешивал в чашечке щепотку фруктового сахара и всё не знал, как ему продолжить. Что-то не находилось у него слов, чтобы по-нормальному мне всё объяснить. Если бы он меня просто собирался взять к себе на работу, то уж так бы не церемонился. Порядки у него тут простые, русские. Про-

ходил он как-то по кухне своего кафе, решил супчик попробовать. Прогдегустировать. Супчик ему не понравился, так он его зачерпнул из трёхведёрной кастрюли ополовничком и поварихе на голову вылил. И ещё с ног до головы – самым грязным матом.

И все вокруг отвернулись, будто не заметили. И повариха тихонько фартучком вытерлась и ушла в кладовку плакать. Не плюнула ему в лицо. Не назвала ни гадом, ни сволочью. С работой вокруг времена тяжёлые. Капитализм. Нужно терпеть.

И вот этот монстр, с жирной рыжей мордой, мой бывший школьный товарищ, а ныне миллионер, Борька Мерзликин, сидел передо мной и чего-то мялся, никак не мог определиться, какими словами сказать мне, чего ему от меня нужно.

И он опять начал про жену Тоню.

О том, что баб у него было много. Менял он их часто, как презервативы, а иногда и прямо вместе с ними. А потом встречал свою Тоню. И влюбился. И она у него самая лучшая. И уже последняя. Что детей у них пока нет, но обязательно будут. И он, Борька Мерзликин, всегда старается исполнять все её желания. Побывала она с ним на всех знаме-

нитых курортах. Как новый год – так отмечают его супруги Мерзликины обязательно под пальмами. Платья из Парижа, жемчуг – со дна моря.

И он, Борька Мерзликин, готов ради Тони своей пойти на любые жертвы.

Тем более что жертва на этот раз для любимой жены потребовалась не совсем обычная.

И тут Борька опять запутался в словах, опять начал будто издалека, но получилось прямо в лоб. Он сказал: – Саня, а, можно, ты у нас поживёшь?..

– Поживёшь – это что? – не понял я.

– Ну, понимаешь, ты работал на телевидении, знаменитость. По тебе весь город когда-то сходил с ума. И вот моя Тоня...

У нас в бывшем Советском Союзе раз в году обязательно показывают фильм «С лёгким паром!». По всем каналам. Есть ещё несколько фильмов, которые составляют для бывшего советского зрителя подарочную обойму. И среди них – французский фильм «Игрушка». Очень правдивая выдумка. С хорошей музыкой. Со знаменитыми актёрами. (Так и подмывает сказать Сришаром, но я воздержусь).

Поэтому пересказывать я его не буду.

Борька предложил мне пожить у него в квартире игрушкой. Так захотелось его любимой жене Тоне.

Пока он мямлил, мусолил, соединял в звуки объяснительные для меня слова, я подумал, что у меня в голове случились глюки на почве нервных переживаний. Потерял работу, не знаю, как дальше жить. Не сплю ночами. А, как усну – не хочу просыпаться. Вот и сорвался. Вот и поплыла в голову всякая аудиовидеодребедень – то, чего на самом деле нет, а у меня в голове уже есть. Вот сидит передо мной Борька, мой школьный товарищ, лицо покраснело, лысина покрылась потом. Он шлёпает что-то губами, смотрит, то на меня, то – долго – в окно.

Наконец, замолчал.

Оно – глюки не глюки, а ведь ситуации всегда анализируешь – обдумываешь, хоть во сне они, хоть наяву.

Пока Борька говорил, я все возможные ситуации уже проиграл, всё быстренько себе успел представить. Если уж молодая Тоня собирается взять меня в игрушки, то уж явно не для того, чтобы по выходным с меня пыль стряхивать.

Но первое, что приходило мне в голову, и что, очевидно, предполагалось, вменить мне в обязанности, меня совсем не прельщало. Скорее, отпугивало. В мои лета я, конечно, вполне ещё подходил для роли свадебного генерала, но – отнюдь не бравого вояки, который, храбро стискивая в обеих руках жёсткое древко знамени своей дивизии, карабкается на Рейхстаг. Нет уж, увольте. Пусть знамя водружает кто-нибудь другой.

Мало ли их – красивых и юных. У каждого свой борзый, озорной неваляшка, Ванька-встанька. При чём тут я?

Про меня, про таких, как я, уже книги пишут. К примеру: «Есть ли секс после сорока?..».

Есть ли жизнь на Марсе?..

Ехал я как-то в машине с пьяным Томчуком – заместителем председателя колхоза «Юбилейный». Томчук, естественно, за рулём. Ночь, машина со скоростью семьдесят километров в час виляла от кювета к кювету.

Томчук рулил и чуть не плакал – жаловался на министра Зурабова. Он, рыдал на дорогу и кричал, стараясь перекрыть шум и грохот УАЗика: – Понимаешь, он, этот Зурабов, с трибуны сказал, что мужчины в России живут только до пяти-

десяти семи лет. И на них, на тех, кому за пятьдесят семь, денег в бюджет уже не закладывают. И это сказал министр здравоохранения!

Понимаешь, мне ещё до пенсии два года работать, а для России меня уже нет!..

И вот я, гражданин России, со своим возрастом, который по нашим российским меркам подошёл к своей критической массе, сижу сейчас напротив потерявшего ум человека и выслушиваю его сумасшедшие фантазии.

Есть ли после пятидесяти семи жизнь?..

– Но, – прервал мои размышления Борька – никакого секса. Помни – Тоня – моя жена. Ты у нас просто будешь жить. Отдельная комната, книги – какие хочешь, Интернет, телевизор. Но чтобы моя Тоня могла с тобой говорить, за тобой наблюдать. До тебя дотрагиваться. (Вот дура, всё-таки я её не понимаю!..) Дверь в твою отдельную комнату чтобы не запиралась. Секретов от моей Тони у тебя не должно быть никаких.

Вот ты всегда хотел писать книгу? Садись, у меня – пиши. Ты сколько получал на своей работе? Я буду платить тебе в пять раз больше. Зарплата, бесплатное жильё, питание! Ешь, что хочешь, заказывай. Хоть с нами – хоть отдельно.

Наш бассейн – твой бассейн. Пройдёшь медкомиссию, помоешься и купайся, сколько хочешь!..

Борька опять вытер пот с лысины, с лица. Разговор давался ему непросто.

Он, Борька, долго свою жену отговаривал. Злился, ревновал. Но Тоня начала плакать круглые сутки и полнеть. Ходили советоваться к психоаналитику, он сказал, что может быть хуже. У миллионеров жёны обычно с очень легко ранимой, неустойчивой, психикой. Если сейчас для Тони не разрешить ситуацию положительно, то, возможно, она не забеременеет, а дальнейшее развитие психоза может привести к необратимым последствиям.

На карту было поставлено продолжение фамилии Мерзликиных.

– Ты – самое дорогое, что у меня есть. Вся моя жизнь, все мои богатства – всё это твоё. Я живу для тебя, – говорил своему сыну французский магнат Рамбаль Гоше.

У Борьки Мерзликина ещё не было сына. Ему ещё не для кого было жить, собирать и умножать свои миллионы. Но он хотел, чтобы у него это случилось. У него была любимая жена, он хотел иметь от неё сына, для которого ему стоило, ему

нужно было бы жить, кому завещать свои, провонявшиеся разбодяженным бензином, миллионы.

И для этого всего-то, подумаешь, какой-то пустяк – уступить жене в её малом капризе. Купить ей за копейки этого жалкого корреспондентушку...

– Ну и сошёл Борька с ума – мне-то какая разница, – стал думать я после того, как он намекнул на вполне приличное вознаграждение за мою жизнь в присутствии его жены Тони.

И в особенности вот этот, последний пунктик – что мне ничего с ней не надо будет делать, очень пришёлся мне по вкусу. Настолько, что я готов уже был согласиться на предложение моего приятеля.

Но он ещё не закончил.

У моего товарища Борьки Мерзликина были ещё ко мне некоторые условия.

– Я тебе, Саня, обеспечу всю твою жизнь, очевидно, подводя черту трудному разговору, сказал Борька. Положу деньги на счёт в банке, чтобы ты мог хорошо жить на проценты, когда Тоне надоест эта комедия. Положу заранее, всё – в присутствии адвоката, нотариуса. Но только ты должен выпол-

нить одно условие. Только пойми меня правильно, я вкладываю деньги, у меня должны быть определённые гарантии.

Перед тем, как ты приступишь к своим обязанностям, тебе должны сделать операцию.

– Какую? – Тут я, наконец, подал голос. – Я только месяц, как после комиссии, врачи сказали, что, кроме тугоухости, я совершенно здоров.

– В том-то и дело, – сказал Борька. – Тебе нужно отрезать яйца.

Возможно ли простыми человеческими словами передать мою реакцию на это короткое Борькино заявление? Как раз – тот самый классический случай, когда словам становится тесно, а мыслям просторно.

Вот я и сидел, не мог сказать ни одного слова, хотя Борька, казалось бы, наконец, замолчал. И приготовился послушать и меня.

Он, наверное, подвинулся рассудком? Конечно – ежесекундно думать, как кого надуть, следить, чтобы не надули тебя, бояться конкурентов, бандитов, милиции. Любить жену и не видеть её сутками. Ревновать.

Бессонница. И, наверное, и – импотенция. Откуда ей взяться, потенции, если в постоянном стрессе?

Ладно, Бог с ним. Чего уж тут обижаться?

Я поднялся из-за столика: – Я пошёл, Боря. Ты не волнуйся, всё будет хорошо.

Передай кому-нибудь дела на пару недель. Побудь с женой, удели ей внимание. Свози её на ваши Мальдивы, или – там – на Канары не на Новый год, а сейчас. А, может – просто куда-нибудь в глухую деревню, где речка, лес...

Борька ухмыльнулся: – Знаешь, Саня... Ты себя со стороны видел?.. Ведь это раньше ты был Александр Иванович, звезда... А сейчас ты никто. Пустое место. Это для Тоньки остался к тебе какой-то интерес. Да и то, я думаю, ненадолго. Ведь я тебя насквозь вижу. Кому ты здесь нужен? Да и нигде ты не нужен. Ушло твоё время. Сейчас моё... наше время.

Борька тоже поднялся из-за столика, промокнул платочком лицо, вспотевшую лысину:

– Вот тебе сейчас случай подвернулся – чего жопой крутить? Другого такого не будет. Пойди домой или – где ты там

сейчас остановился – подумай. Пока железо горячее.

А то я уже с хирургом договорился. На пятницу...

И вышел, опередив меня, на улицу, где его ждал уже джип с огромными колёсами и шофёром-тяжеловесом за рулём.

Нет, я конечно, и мысли не допускал!

А чего это Борюсик так волновался? Потел, мямлил... Ведь он был уверен, что проблем у него со мной не будет. Вон – даже и с хирургом уже договорился... Тут, конечно, другое. Такой крутой бизнесмен, вращается в самых высоких сферах местного бизнеса. А тут вдруг на глаза его любезной супруге попадается какой-то голодранец, которого она, его любимая женщина, хотела бы видеть возле себя. В его квартире, с его собственного согласия, и днём и ночью – другой мужчина.

И, вместо того, чтобы его просто замочить, как в кино показывают – ноги в чашку с цементом и в воду, – ему, Борису Мерзликину, ещё нужно уговаривать это ничтожество, чтобы оно согласилось своим присутствием в доме отравлять ему жизнь.

А ведь переступил же через себя, пошёл на уступки лю-

бимой женщине!..

Может, потом, через пару месяцев, так оно и будет – ноги в чашку с цементом и – в воду?..

Ладно, это всё меня уже не касается. Глаза бы мои не видели бы уже этого Мерзликина. Надо же!

К друзьям, во временное своё жилище, я вернулся поздно. Всё слонялся по городу, пытался отвлечься, оторваться от своих мыслей. Ещё оставались кое-какие деньги, и я бездумно их тратил, заказывая в попутной забегаловке ещё баночку пива, а, вдобавок, ещё и бутерброд, без которого в этот день я вполне мог уже обойтись.

...Дверь мне открыл Саша Карачун. Хороший человек. Когда-то мы вместе работали. Теперь уже две недели я пользовался его гостеприимством.

Но на этот раз Саша выглядел озабоченным. Он пытался улыбаться, но глаза почему-то прятал. – Мы уезжаем в Израиль, – сказал Саша. Всё было как-то неопределённо. А сегодня всё решилось с документами. Приехали ещё родственники из посёлка. Две семьи. Ты не мог бы пока где-нибудь переночевать?..

Саша сильно переживал, что ему приходится говорить мне такие слова. Я не обиделся. И так уже – целых две недели...

А положение у меня было не такое уже и критическое. У меня ещё была в родном городе площадь, которую, если уж очень припрёт, можно было бы назвать жилой.

В Актюбинске, в районе Аптекоуправления, у меня ещё оставался гараж, который я когда-то, при поспешном бегстве из республики, не успел продать. А чем гараж не жилплощадь, если другой никакой нет?

И у меня с собой были ключи.

Несколько суток я ещё прослонялся по городу, возвращаясь ночевать в собственную свою квартиру. Там был небольшой подвальчик, электричество. И даже диван. Железные двери. Можно поставить холодильник. Смастерить для отопления «козла». И даже водить баб.

Но перспектива, хоть и радужная, однако и она требовала определённой материальной подпитки. И я пробовал искать работу. Но меня поймёт всякий, кто пробовал искать работу в возрастной категории «после сорока пяти». Не говоря уже о существующем в городе негласном национальном цензе.

И, кроме того, областной центр был буквально наводнён бывшими жителями окрестных аулов. В деревнях, которые по своему природному предназначению, должны были кормить город, в их житницах и закромах уже давно ничего не было. Пустыми стояли кошары и свинокомплексы, зарастали сорной травой поля. Старики ещё за что-то цеплялись, а молодёжь рвалась в город. Молодые парни и девушки хватались за любую работу. В этих условиях со своей морщинистой физиономией даже проситься грузчиком в магазин было как-то неловко.

Но я просился. И не только грузчиком. Часто меня узнавали.— А! — а-а!..— говорили, — диктор! Радостно пожимали руки. Весело смеялись моей шутке насчёт какой-нибудь работы. Потом, когда на конкретный вопрос приходилось всё-таки отвечать — разводили руками: извините... мы бы рады, но...

В общем не получалось у меня никак с трудоустройством. Сейчас таким ситуациям есть модное объяснение: *не формат*. И куда же мне теперь со своим форматом? Вешаться, что ли?

Сидел я как-то в своём подвале на ободранном диванчике, думал, думал...

И подумал – А чёрт с ними, с яйцами! Что тут, в подвале, не человек, что там, в мерзликинских апартаментах, без яиц – вообще, неизвестно, кто... Может, правда – отрежут мне яйца и придёт ко мне великая мудрость, не отягощённая, не осложнённая никакой вредной посторонней тематикой. И напишу я, за компьютером и при хорошем питании великую книгу. А то и статую изваяю. Богиню с одной рукой. А то безрукие уже были, с руками и с веслом были. А я сделаю с одной рукой, чтобы она той уцелевшей рукой себе стыд прикрывала.

Такую статую не запахло будет и в Российской Государственной Думе выставить. И голая – ровно настолько, чтобы искусство обозначить, и, в то же время, на том месте, куда все смотрят – рука. Значит, есть у человека стыд. А, если к её голове ещё и косу присобачить – длинную такую, то куда там до нас Украине!..

А вдруг, когда у меня яиц не будет, ко мне творческие мысли перестанут приходить?

Нет... Лучше об этом не думать...

Где-то у меня был телефон этого лысого козла. Мог выкинуть от злости. Никак не мог подумать, что докачусь-таки до такого безумства...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.